

ОБРАЗ «СТРАШНОГО МИРА» В ПРОЗЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» (М.П. АРЦЫБАШЕВ, Ф.К. СОЛОГУБ, Л.Н. АНДРЕЕВ)

Хитарова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3475>

Хитарова Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-2841>

Аннотация. Статья исследует проблему типологических признаков хронотопа прозы писателей «серебряного века», определивших модель мироустройства в образе «страшного мира». Цель – анализ образцов прозы среднего эпоса М.П. Арцыбашева, Ф.К. Сологуба (Тетерникова), Л.Н. Андреева. Перверсивность, телесность изображаемой реальности – основные хронотопические признаки, которые обнаруживаются во всех привлеченных для рассмотрения художественных текстах. Проводится сравнение с иными формами искажения реальности: фантастической прозой, сказкой. Исследуются причинно-следственные связи нарушения главного принципа реалистического изображения мира. Можно заключить, что писатели «серебряного века» действительно делают страх и ужас постоянно звучащим сюжетобразующим мотивом. Но этот постоянный для литературного процесса рубежа веков мотив звучит в неповторимой персональной тональности. Писатели предлагают свою архитектуру «страшного». Таким образом, звучание мотива страха является художественной характеристикой текста, определяет как доминанту его поэтики, так и мировидение и мироощущение создателя текста.

Ключевые слова: модель мира, «страшный мир», поэтика художественного текста, серебряный век, проза, литература.

Для цитирования: Хитарова Т.А., Хитарова Е.Г. Образ «страшного мира» в прозе «серебряного века» (М.П. Арцыбашев, Ф.К. Сологуб, Л.Н. Андреев) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 123–129. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-123-129>

Research Article

THE IMAGE OF THE “HORROR” WORLD IN THE “FIN DE SIÈCLE” PROSE (MIKHAIL ARTSYBASHEV, FYODOR SOLOGUB, LEONID ANDREYEV)

Tatyana A. Khitarova, Associate Professor, Trubilin the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3734-3475>

Elena G. Khitarova, Associate Professor, Kuban State University, Krasnodar, Russia, khitarova2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-2841>

Abstract. The article examines the problem of typological features of the chronotope of the prose of the writers of the “Fin de siècle”, who defined the model of the world order in the image of the “horror world”. The goal is analysis of the prose samples of the middle epic of Mikhail Artsybashev, Fyodor Sologub (Teternikov), Leonid Andreyev. Perversion, the corporeality of the depicted reality are the main chronotopic features found in all the literary texts involved for consideration. As we can conclude, the writers of the “Fin de siècle” really do make fear and horror a constantly sounding plot-forming motif. However, this constant motif for the literary process of the turn of the century sounds in a unique personal key. The writers offer their own architecture of the image of the “horror”. Thus, the sound of the fear motif is an artistic characteristic of the text, it determines both the dominant of its poetics, and the worldview and attitude of the creator of the text.

Keywords: world model, “horror world”, poetics of literary text, Fin de siècle, prose, literature

For citation: Khitarova T.A., Khitarova E.G. The image of the “horror” world in the “Fin de siècle” prose (Mikhail Artsybashev, Fyodor Sologub, Leonid Andreyev). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 123–129 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-123-129>

Пугающий неизвестностью «стык веков», трагическая «смена вех» – порождают образ «страшного мира» в литературе «серебряного века». Проблем у творческой интеллигенции было много: это и вопрос о языке нового искусства, который не может быть прежним, если время стало другим, и вопрос поиска дальнейших путей, которыми пойдет в страданиях рождающееся новое искусство. О кризисе искусства говорят и пишут выдающиеся мыслители и философы этой эпохи. Так назвал свою статью Н.А. Бердяев, в которой он с горечью констатирует случившуюся культурную катастрофу – разрыв с искусством классическим: «Мы присутствуем при кризисе искусства вообще, при глубочайших потрясениях в тысячелетних его основах. Окончательно померк старый идеал классически прекрасного искусства и чувствуется, что нет возврата к его образам» [Бердяев: 3].

Однако философ подчеркивает, что современный кризис не означает смерть искусства, а является его переходом на новые пути: «С противоположных концов намечается кризис старого искусства и искание новых путей» [Бердяев: 4].

В процессе этих поисков рождаются новые течения и направления, заявляют о себе новые имена. Н.А. Бердяев усматривает и анализирует значительные художественные явления и в сегодняшнем, уже постклассическом, искусстве: живопись Пикассо, «астральный роман» «Петербург» Андрея Белого.

Д.С. Мережковский (1865–1941) тоже отмечает рождение нового искусства в своем программном манифесте «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Автор очень точно определил здесь «три главных элемента нового искусства»: «мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности» [Мережковский, 373].

В данной работе рассматриваются образцы только таких произведений мастеров «серебряного века», в которых нарушен главный принцип реалистического изображения мира – реальный хронотоп, то есть пространство и время включают некоторые намеренно допущенные писателями отклонения от обычного своего состояния. Реальность при этом не исчезает, но смещается и искажается. Формы искажения реальности могут быть различны. Если в фантастической литературе, и этим она близка к волшебной сказке, реальность изменяется путем введения феномена чудесного, нереального, то в литературе ужасов (хоррор), имеющей цель вызвать у читающего чувство страха, изменения реальности носят перверсивный характер, то есть она как бы переворачивается и приобретает иной, пугающий, ужасный характер. Произведения, содержащие концепты страха и ужаса в литературе «серебряного века», приближены к последней версии:

реальность в них перверсивна. В данной статье анализируются образцы прозы Федора Сологуба (Тетерникова), Леонида Андреева, Михаила Арцыбашева.

В современных литературоведческих исследованиях выделяют три основные формы искажения реальности в пространстве художественного текста: инверсия, перверсия и телесность, которые могут быть как по отдельности, так и в совокупности в одном и том же произведении. В связи с этим автор работы по проблемам хронотопа в прозе «серебряного века», С.Ю. Чвертко, так определяет его особенности: «Первая проявляется в том, что привычные вещи переворачиваются, встают с ног на голову. Это происходит как на уровне сюжета, так и на уровне образа. Вторая черта характеризуется извращением, искажением привычного мира и ценностей. Последняя проявляется в том, как авторы акцентируют внимание на описании физических страданий, сцен разложения или смерти» [Чвертко: 126].

В «литературе ужасов» «серебряного века» наблюдаются именно эти характерные признаки деформации реальности, которые вызывают эффект утраты самоидентификации, а также ценностных ориентиров живущего здесь и сейчас человека. В крайних случаях подобное «развеществление» реальности порождает тотальную неуверенность в надежности бытия в целом, в масштабах космического мироздания, как следствие, вызывая атаки страха, вплоть до панического ужаса. Эти состояния полной дезориентации часто переживают герои произведений, они передаются и читателю.

В психологии с понятием «страх» связаны три основные мучительные состояния человеческой психики:

1. *Страх*. Состояние, обусловленное реальной или предполагаемой угрозой. Различается страх реальный, предостерегающий от опасности, и страх необъяснимый – не имеющий под собой реальных, чувственно осязаемых оснований.

2. *Ужас*. Состояние, порождаемое сильным страхом. Оно способно повергнуть человека в оцепенение, дрожь, шок. Активная реакция человека при ужасе отсутствует, устранить источник страха он не в силах.

3. *Паника*. Состояние, представляющее крайнюю форму страха, но выражается оно не в оцепенении, а в том, что человеком начинают управлять его чувства. Его действия при этом не подчинены никакой логике и часто вредят ему самому [Осипов].

Разнообразные виды страхов и формы ужаса, как и приступы паники, наблюдаются в прозе писателей «серебряного века».

Говоря о феномене ужасного в литературе «серебряного века», следует коснуться творчества М.П. Арцыбашева (1878–1927). По замечанию критика М.Н. Николаева, писатель включает в свои произведения мотив насилия, а в «насилии он ви-

дит, в первую очередь, ужас» [Николаев]. Насилие и вызывает искажение реальности, делая совершенно невозможное и нереально ужасное – возможным и даже обыденным. Так и называется один из наиболее показательных рассказов писателя – «Ужас» (1905). Источников ужасного здесь два: первый – сам человек как существо биологического порядка и раб своих чудовищных страстей; второй – социальная система, в рамках которой он сформирован и существует.

Секс и насилие – главные страсти, и в изображении писателя они неразрывны. Антропологическая концепция определяется биологическим детерминизмом и выражена в афоризме писателя: «Человек мерзок по природе своей, и вы разочаруетесь, если будете ждать от него чего-то хорошего» [Гришин: 12].

В литературном творчестве это порождает обширную галерею персонажей, способных на «все, чем только богата копилка человеческих мерзостей... все ужасное и непристойное...» [Гришин: 6].

Подобный биологический детерминизм выражен уже в первом романе «Санин» (1907), проходя затем через все творчество М.П. Арцыбашева. Это придавало скандальный характер личности и творчеству писателя, что повлияло на судьбу его наследия.

Тяга к насилию и жестокости априори присуща человеку, толкает его на чудовищные поступки и создает извечный ужас человеческого бытия. Эта концепция определяет сюжет уже первых рассказов писателя начала XX века: «Паша Туманов» и «Из подвала». Герои обоих совершают зверское хладнокровное убийство. Жертвы виновны, но вина и «наказание» здесь неравноценны. Убивают же не ради справедливости, а чтобы удовлетворить тягу к пролитию крови, к насилию. Ужас перед жизнью испытал и сам писатель, который уже в шестнадцать лет пытался совершить суицид, а в течение всей жизни испытывал депрессивные состояния, что ускорило его ранний уход из жизни. Тема самоубийства постоянна и в прозе М.П. Арцыбашева.

Если человек по природе ужасен, то в этом ему не уступает и социум. У М.П. Арцыбашева, как и у Ф.К. Сологуба, Л.Н. Андреева, присутствует пугающий образ массы, толпы. В отличие от Ф.К. Сологуба, он своей толпы не боится, однако тоже показывает, что толпа не равна сумме голов, что при плотном скоплении пробуждаются «первичные» биологические инстинкты – убивать, резать, проливать кровь. Однако в повести «Ужас» (1905) агрессия толпы имеет другое направление, чем у Ф.К. Сологуба в рассказе «В толпе», где масса и была источником социальной и биологической агрессии. Здесь же толпа выступает как вершитель правосудия, ищет правды и справедливого обвинения и наказания убийц. Но в обоих случаях толпа

способна и стать орудием уничтожения. У Ф.К. Сологуба ее действия более мистифицированы: она стала орудием дьявольских сил, появляется призрачный образ рыжего дьявола, одержимая им толпа убивает просто из потребности сладострастно убить ни в чем не повинных, даже малых детей. У М.П. Арцыбашева в толпе тоже пробудилась ненависть и агрессия, что привело к зверской расправе над убийцами. Но как только раздались первые залпы вызванных войск, смелость покидают восставших за справедливость. Образ толпы и финал рассказа «Ужас» навеяны событиями массового расстрела в Кровавое воскресенье.

В повести «Ужас» показан разгул чудовищного, немислимого биологически детерминированного насилия. Как могли трое *представителей власти* совершить групповое насилие над учительницей местной школы – Ниночкой? Под влиянием алкоголя в мужчинах проснулась сексуальная агрессия, которая оказалась сильнее чести, гуманности, страха наказания. Только на изломе этой страшной ночи к ним стал возвращаться разум, а вместе с тем и страх возмездия. Боясь, что жертва не замолчит, они ее убивают, инициатором является становой – главный представитель власти и правосудия: «А!.. – пронзительно крикнула Ниночка, вырвав рот из-под руки станового, и вдруг его лицо исказилось страшной животной злобой. С беспощадной уверенной силой он схватил ее за лицо и страшно сжал, скомкал, так, что слюна и кровь облепили его пальцы. С секунду они смотрели друг другу в глаза, в упор, как бы сливаясь в один острый взгляд, и страшен был этот взгляд и нечеловечен...» [Арцыбашев].

Понятия чести и совести, законности и правопорядка в этой социальной реальности отсутствуют: «Ну, поиграли с девочкой... пьяны были... *На нашем месте и всякий то же самое сделал бы...* Что, мы ей смерти хотели, что ли?..» [Арцыбашев].

Изощренно, имея немалый опыт расследования криминальных преступлений, они измышляют и способны заставить замолчать свою жертву, и свое алиби, то есть и социальная первопричина ужаса бытия показана М.П. Арцыбашевым ярко и убедительно. И вот конечный результат и следствие разгула биологических инстинктов у озверевших преступников: они растерзаны толпой, а вызванные вооруженные войска, защищая власть и силу, расстреливают толпу: «В сарае, при волости, на помосте лежали рядами неподвижно мертвые люди и смотрели вверх остановившимися навсегда белыми глазами, в которых тускло блеснул вопрошающий и безысходный ужас» [Арцыбашев].

Тема страха и ужаса проходит через весь текст рассказа, как бы прошивая его кровавой нитью. Лексема «ужас» вынесена в сильную заглавную позицию текста, а также стала его последним словом: «вопро-

шающий и безысходный ужас». Началом темы ужаса стало групповое насилие над юной девочкой и ее убийство. Финалом – массовый расстрел толпы народа. Особенность поэтики рассказа М.П. Арцыбашева – детерминированная последовательность причины и следствий: насилие – убийство. В финале смерть и ужас соединяются в ужасе массовой насильственной смерти. Убита жертва насилия, растерзаны убийцы, расстреляна толпа.

Итак, в прозе М.П. Арцыбашева можно наблюдать детерминизм двоякого рода: биологический – непреодолимая природная тяга к насилию и сладострастному зверству; социальный – смертоносная агрессия массы, толпы и убийство себе подобных покорными исполнителями приказов власть имеющих (казаки, солдаты, расстрелявшие людей). Это вызывает страх как у героев произведения, так и у читателей и порождает совершенно особый феномен ужасного в образе «страшного мира».

Рассмотрим мотивы страха и ужаса в прозе Ф.К. Сологуба на примере новеллы «В толпе» (1907). Нарастание мотива страха происходит на протяжении всего развития сюжета, от экспозиции до развязки, завершаясь в финале всплеском высшего накала ужаса и начавшейся в толпе паники, ибо наступает тотальная смерть, приближение и присутствие которой ощущали герои- дети на протяжении всей этой ужасной ночи. Мотив страха переходит в мотив беспредельного ужаса и всеобщей неизбежной гибели, тему смерти, которая постигла всех четверых детей. Для Ф.К. Сологуба, и в этом особенность его катастрофического мировосприятия, ужасна как жизнь, так и смерть. В этом смысле он относится к мрачнейшим писателям всех времен, а не только своей трагической эпохи. Смерть невидимо и бесшумно сопровождает страшную и бессмысленную, грубо телесную жизнь. Между «этим» и «тем» миром появляется щель, зазор. Оттуда приходит Смерть, предупредив свое появление отвратительными образами искажившейся телесности. Инфернальные образы появляются и в рассказе «В толпе», где инобытие вторгается в ужасное бытие и начинает его уничтожать. И неизвестно, что страшнее, – жизнь, когда все видишь и чувствуешь, но ничего не можешь изменить или смерть, когда уже ничего не чувствуешь. В мироощущении Ф.К. Сологуба нет религиозного спасительного компонента, нет понятия загробной жизни, нет духовной жизни. Жизнь омерзительна, хотя старается казаться другой. Так же омерзительны люди, которые страшны своей жестокой непредсказуемостью, неудержимой тягой к насилию, духовному распаду, моральной грязи. Как следствие, в поэтике произведений Ф.К. Сологуба превалируют образы распада и разрушения. В рассказе «В толпе» есть внешний и внутренний сюжет. Внешний: движение в толпе, вместе с толпой, которое героя-

ми уже не регулируется. Внутренний: передан поток сознания зажатых и гибнущих в толпе детей. Внешний сюжет – от предчувствия приближения смерти до ее явления в действии, сначала для других. В финале мальчик стряхивает со своих рук двух уже мертвых сестер. Наступила и его смерть: Леша еще слышал, как по нем бежали, дробно переступая по спине. Тяжко во всем теле отдавались свирепые удары дьявольских ног. Смерть [Сологуб: 283].

Каждый писатель возводит здание своего «страшного мира» из отдельных персональных «кирпичиков». Модель включает в себя сюжетные ситуации, различные в каждом отдельном случае, но имеющие сходную эмоциональную окрашенность, общую авторскую интенцию – они ужасны и вызывают отвращение к изображаемому и сомнение в разумности мироустройства в целом. Это можно наблюдать и в поэтике рассказов Л.Н. Андреева: чудовищны картины войны в рассказе «Красный смех» (1904), пожирания трупа в рассказе «Стена» (1901). Ужасно основное сюжетное событие – насилие – в рассказе «Бездна» (1901). При разном сюжетном содержании все это – картины деструкции, энтропии мира, его распада материального и духовного. Такой образ мира характерен для модернистской эстетики. В одном из последних исследований данной проблемы В.М. Мескин определяет приметы модернистской поэтики в отечественной литературе указанного периода. Первоисточником неуклонного распада ученый считает реальный мир, с его социальными катастрофами и новыми научными открытиями, разрушающими представление о надежности и стабильности мироустройства как такового. Наиболее характерной чертой эпохи XIX–XX веков в целом он называет процесс «разрушения»: «...характерной особенностью наступившего века стало разрушение многих представлений о материальных и идеальных сущностях мира, о возможных связях между ними. Разрушение представляется следствием какого-то скрытого метазакона XX столетия, который повлиял и на жизнь, и на искусство» [Мескин: 6].

Модель «страшного мира» в прозе Л.Н. Андреева демонстрирует общие деструктивные тенденции эпохи. Однако в структуре модели есть и особые авторские включения, это образы-символы. Символическое изображение бытия сочетается в творчестве Л.Н. Андреева с перверсированным. Задолго до появления рассказа Ж.П. Сартра в 1939 году, он пишет свой с таким же названием – «Стена» (1901). Экзистенциалистская концепция бытия, проблема смерти поставлена Сартром на философском уровне, но истоки ее обнаруживаются в рассказе Л.Н. Андреева. В обоих случаях присутствует образ несвободы – стены, отгородившей людей от обычного мира. У Л.Н. Андреева символически как образ толпы прокаженных, так и сте-

ны, которая не выпускает их в обычную жизнь, отгораживая от нее, помещая в условия вымороченного «страшного» бытия.

Другим образом-символом у Л.Н. Андреева является «бездна». Символ указывает на биологическую телесность, неподвластную силам разума, на шевелящийся хаос в глубине космоса бытия. «Бездна» символизирует непознаваемую пугающую глубину человеческой психики, необоримую силу его животных физиологических инстинктов. Символ вынесен в сильную позицию в заглавии рассказа, принесшего писателю скандальную известность, – «Бездна».

Символы «стены» и «бездны» – ключевые в модели «страшного мира» Леонида Андреева. Они выразились как в «катастрофическом» мироощущении писателя, так и в поэтике его произведений. К ним добавляется символический образ огромной художественной силы – образ «Красного смеха» в одноименном рассказе. Яркая самобытность символики Л.Н. Андреева в том, в частности, что в ней зашифрованы понятия и образы не только мира живых, но и мира уже ушедших, бытия в целом. А также – космических сил, иррациональных и метафизически непознаваемых.

Жизнь социальная всегда изображена у Л.Н. Андреева сквозь призму мистического и иррационально-необъяснимого ужаса как общей категории бытия, в поэтике текста находящей выражение в образах-символах: бездна, стена, красный смех (кровавый смех).

В современных научных исследованиях встречаются попытки создать типологию ужасного. Так, А.А. Гришин в своей диссертации выделяет три типа ужасного:

1. Ужас смерти.

2. Ужас перед реальностью, переставшей быть понятной.

3. Ужас перед тайной бытия [Гришин: 12].

Понятия «страх» и «ужас» не совсем совпадают в своем лексическом значении, но оба приближены к понятию «смерть». Лексема «ужас» традиционно обозначает предельно эмоциональное состояние отрицательного характера. Все, что определяется как «ужасное», представляет собой иррациональную и враждебную силу, с которой человек, чтобы продолжить свою жизнь, пытается совладать и справиться. Но такой же иррациональной силой является сила смерти. Вот почему эти два понятия неразделимы. Л.Н. Андреев помещает их в самый центр своей модели «ужасного мира». Как в обычном физическом реальном мире, так и в мире художественном эмоция ужаса сопровождает известие о смерти, картину смерти. В пространстве художественного текста эта эмоция также сопровождает картину смерти. Таким образом, можно выделить единую главную функцию «страшного» или «ужасного» мира: это

способ выявления метафизической картины смерти. С понятием «ужас» связаны исключительно разрушительные эмоции. Ужас – реакция на процесс деструкции, разрушения, составляющий суть смерти.

Ярким примером является первый фрагмент в рассказе «Красный смех». События Русско-японской войны переведены писателем в общеполитологический план устройства бытия и места и роли в нем человека, пределов его возможностей в понимании и изменении происходящего. Уже эпиграф к первой части рассказа передает атмосферу ужасного: «безумие и ужас...». Ощущается приближение тотального уничтожения, присутствуют мотивы апокалипсиса. Полубезумной толпой бредут по страшной знойной пустыне вооруженные люди, потеряв представление о том, кто их ведет, куда они идут и с какой целью. Ужас существования показан еще до начала военных событий. Во-первых, это связано с особым состоянием земной атмосферы, вдруг ставшей совершенно чужой и непригодной для существования человека. Начавшийся апокалипсис выражен через стихию огня: страшный зной, раскаленное солнце. Смертельным врагом человека, идущего убивать себе подобных и погибнуть в муках самому, выступает при этом животворящий источник жизни, переставший им быть, – солнце, превратившееся в раскаленный шар: «Стоял зной. Не знаю, сколько было градусов: сорок, пятьдесят или больше; знаю только, что он был непрерывен, безнадежно-ровен и глубок. Солнце было так огромно, так огненно и страшно, как будто земля приблизилась к нему и скоро сгорит в этом беспощадном огне» [Андреев].

Во-вторых, ужас связан с состоянием человека – как физическим, так и душевным, которое невыносимо и несовместимо с жизнью. Это поясняет повествователь на собственном примере. Выбравшись из толпы солдат, он отходит в сторону, долго сидит на камне, и со стороны ему становится заметно, что есть какая-то страшная сила, управляющая этими обезумевшими людьми. Это сила определена им как «красный смех». Она связана с понятием смерти: «И тут впервые я почувствовал это. Я ясно увидел, что эти люди, молчаливо шагающие в солнечном блеске, омертвевшие от усталости и зноя, качающиеся и падающие, что это безумные. Они не знают, куда они идут, они не знают, зачем это солнце, они ничего не знают. У них не голова на плечах, а странные и страшные шары» [Андреев].

Только после того, как атмосфера смерти и «расчеловечивания» состоялась, созданы достаточные условия для начала военных действий. Вот первый голос и первый вестник войны. Применен прием олицетворения, что придает характер мистического ужаса происходящему – граната действует как живое существо, радостно готовящееся к уничтожению всего живого: «... слева, на вершине, бухает выстрел и за ним немед-

ленно, как эхо, два других. Где-то над головою, с радостным, многоголосым визгом, криком и воем проносится граната» [Андреев].

Неизвестно, кем создана страшная ситуация начавшегося тотального уничтожения жизни, кем она управляется. Термин экзистенциалистской философии – «враждебный аноним» – здесь как нельзя более уместен, и это ощущение усиливает состояние ужаса. Затем будет рассказ об эпизодах войны, показанной как неуклонное уничтожение одних людей – другими, утрата человеческого облика в прямом физическом и переносном – нравственном и духовном смысле. Таким образом, основная функция образа «страшного мира» в прозе Л.Н. Андреева – сказать страшную правду о законах бытия:

Во-первых, это страшная правда о жизни: смерть и жизнь – равноценные непостижимые разумом метафизические понятия, которые находятся в мире в нерасчленимом единстве («Красный смех»).

Во-вторых, это страшная правда о человеке, который открыт всем физиологическим природным разрушительным инстинктам и порывам, – насилие, каннибализм как формы деструкции биологической и духовной («Бездна», «Стена»).

Как следствие, картина мира и человека в творчестве Л.Н. Андреева определяется двумя этими маркерами: страшный мир, в котором господствует смерть, и живущий в страшном мире страшный человек, который не может управлять своими природными порывами и открыт не для добра, как учит религия, а исключительно для уничтожения себе подобных.

В данной работе исследована модель «страшного мира» в прозе «серебряного века» на примере образцов прозы трех писателей: М.П. Арцыбашева, Ф.К. Сологуба, Л.Н. Андреева. Как можно заключить, писатели «серебряного века» действительно делают страх и ужас постоянно звучащим сюжетообразующим мотивом. Однако звучание это разное, и так же различна образная система, поэтика того или иного произведения. То есть этот постоянный для литературного процесса рубежа веков мотив звучит в неповторимой персональной тональности. Таким образом, звучание мотива страха является художественной характеристикой текста, определяет как доминанту его поэтики, так и мировидение, и мироощущение создателя текста. В основе модели мира и личности человека в таких произведениях лежит принцип перверсивности и искажения жизненных ценностей. Когда жизнь и человек раскрывают свою внутреннюю суть – она невыразимо страшна: любящий муж – сладострастный убийца, следственная группа – сексуальные маньяки, люди в толпе – дьяволы. Постоянно присутствие inferнальных образов, воплощающих метафизический ужас человеческого существования и смерти: Недотыкомки и дьяволы в произведениях Ф.К. Сологуба,

«Красного смеха» в рассказе Л.Н. Андреева. Присутствует телесность как особый прием поэтики жестокости. Сладострастное насилие определяет сюжет произведений Ф.К. Сологуба и Л.Н. Андреева. Но более всего принцип жестокой телесности выражен в рассказе М.П. Арцыбашева «Ужас».

Образ «страшного мира» как особый тип мироустройства, возникший в указанное время, чреват революционными военными событиями и в мире в целом, и в России в частности, связан с понятием деструкции, энтропии. В художественном пространстве текста находит выражение катастрофическое, кризисное разрушение биологических, природных, механических форм реального мира, придающее гротескные, пугающие формы художественным образам в поэтике данных произведений.

Список литературы

- Андреев Л.Н.* Красный смех. URL: <https://ilibrary.ru/text/1646/p.1/index.html> (дата обращения: 20.03.21).
- Андреев Л.Н.* Бездна. URL: http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_0240.shtml (дата обращения: 23.03.21).
- Арцыбашев М.П.* Ужас. URL: http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0360.shtml (дата обращения: 07.02.21).
- Бердяев Н.А.* Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. 3–28.
- Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 491 с.
- Воскресенская М.А.* Феномен «серебряного века»: проблемное поле культурно-исторического осмысления // Вестник Томского университета. Сер.: История. 2017. № 48. DOI: 10.17223/19988613/48/4
- Гараев А.И.* М.П. Арцыбашев: История формирования литературной репутации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 18 с.
- Гришин А.А.* Феномен ужаса: этико-философский анализ.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2015. 18 с.
- Мережковский Д.С.* О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы // Русская литература XX века. Дооктябрьский период. М.: Промсвещение, 1971. С. 369–373.
- Мескин В.М.* Кризис сознания и трагическое в русской прозе конца XIX – начала XX веков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 18 с.
- Николаев М.Н.* Особенности творчества М.П. Арцыбашева. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/ARCYBASHEW/n_artz.txt (дата обращения: 09.02.2021)
- Осинов С.С.* Типология страхов. Самые распространенные страхи и фобии. URL: <https://4brain.ru/blog/fears-typology/> (дата обращения: 03.02.2021).
- Сологуб Ф.К.* В толпе // Русский жестокий рассказ. М.: АСТ, 2014. С. 245–289.

Чвертко С.Ю. Особенности хронотопа в «страшных» новеллах серебряного века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 126–131.

References

Andreev L.N. *Krasnyj smeh* [Red laughter]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1646/p.1/index.html> (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Andreev L.N. *Bezдна* [Chasm]. URL: http://az.lib.ru/a/andreev_1_n/text_0240.shtml (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Artsybashev M.P. *Uzhas* [Horror]. URL: http://az.lib.ru/a/arcybashev_m_p/text_0360.shtml (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Russkaja literatura nachala XX veka i okkul'tizm. Issledovanija i materialy* [Russian literature of the beginning of the XX century and occultism. Research and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999, 491 p. (In Russ.)

Voskresenskaja M.A. *Fenomen "serebrjanogo veka: problemnoe pole kul'turno-istoricheskogo osmyslenija"* [The phenomenon of the "silver Age: the problem field of cultural and historical understanding"]. *Vestnik Tomskogo universiteta. ser.: Istorija* [Tomsk University Bulletin. Series: History], 2017, № 48. (In Russ.)

Garaev A.I. *M.P. Arcybashev: Istorija formirovanija literaturnoj reputacii* [The history of the formation of literary reputation]: avtoref. dis. ... kand filol. nauk. Kazan', 2008, 18 p. (In Russ.)

Grishin A.A. *Fenomen uzhasa: jetiko-filosofskij analiz* [The phenomenon of horror: an ethical and philosophical analysis]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Ivanovo, 2015, 18 p. (In Russ.)

Merezhkovskij D.S. *O prichinah upadka i novyh tendencijah sovremennoj russkoj literatury. Russkaja literatura XX veka. Dooktjabr'skij period* [Russian Literature of the twentieth Century: On the causes of decline and new trends in modern Russian literature. Pre-October period]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1971, pp. 369–373. (In Russ.)

Meskin V.M. *Krizis soznaniya i tragicheskoe v russkoj proze konca XIX – nachala XX vekov* [The crisis of consciousness and the tragic in Russian prose of the late XIX – early XX centuries]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moscow, 2001, 18 p. (In Russ.)

Nikolaev M.N. *Osobennosti tvorchestva M.P. Arcybasheva* [Features of M.P. Artsybashev's creative work]. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/ARCYBASHEW/n_artz.txt (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Osipov S.S. *Tipologija strahov. Samye rasprostrannnye strahi i fobii* [Typology of fears. The most common fears and phobias]. URL: <https://4brain.ru/blog/fears-typology/> (access date: 20.03.2021). (In Russ.)

Sologub F.K. *V tolpe* [In the crowd]. *Russkij zhestokij rasskaz* [Russian cruel story]. Moscow, AST Publ., 2014, pp. 245–289. (In Russ.)

Chvertko S.Ju. *Osobennosti hronotopa v "strashnyh" novellah serebrjanogo veka* [Features of the chronotope in the "terrible" novels of the Silver Age]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2016, № 3, pp. 126–131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.02.2021; одобрена после рецензирования 13.04.2021; принята к публикации: 10.05.2021

The article was submitted 22.02.2021; approved after reviewing 13.04.2021; accepted for publication 10.05.2021